

С.К. СЕВАСТЬЯНОВА

МОТИВ «СМЕРТИ ОТ КОНЯ» В ВИРТУАЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА АДЫ ИВАНОВИЧ «И ПРИНЯЛ ОН СМЕРТЬ ОТ КОНЯ СВОЕГО»)

Светлана Климентьевна Севастьянова,
Институт филологии Сибирского отделения Российской
академии наук,
ведущий научный сотрудник
ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия

доктор филологических наук, доцент
E-mail: sevask@mail.ru

Реферат. В статье анализируется содержание рассказа Ады Иванович «И принял он смерть от коня своего», опубликованного в Интернете, в контексте виртуальной русской прозы, называемой сегодня сетературой. Делается вывод о трансформации мотива смерти героя «от коня»; проводится параллель между творчеством А. Иванович и В.С. Высоцкого, фраза из «песни» о Вещем Олеге которого использована в качестве названия рассказа. Автор поместила своего героя в другую историческую эпоху, изменила его социальный статус и наполнила сюжетную схему жизни и смерти героя новым содержанием и мотивами, которые привели к неожиданным трактовкам образа главного персонажа. В сюжетном повествовании о трагической судьбе главного героя выделены три элемента, которым автор уделила особое внимание в связи с пребыванием персонажа в советской эпохе: сложность приобретения транспортного средства; привязанность к автомобилю; смерть «от коня» — самоубийство внутри машины.

Ключевые слова: мотив, трансформация, виртуальная проза, сетература, Олег Вещий, летописное повествование, смерть князя «от коня», ценности советской эпохи.

Для цитирования: Севастьянова С.К. Мотив «смерти от коня» в виртуальной русской прозе (на примере рассказа Ады Иванович «И принял он смерть от коня своего») // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 4. С. 499–504.

Летописное повествование о смерти Вещего Олега неоднократно привлекало внимание исследователей. Сегодня подробно описана сюжетная схема и составляющие ее мотивы [1, с. 254–288]. Однако факты обращения к сюжету о кончине князя писателей XVII–XXI вв. исследованы недостаточно. Наблюдения за «жизнью» легендарного сюжета показывают, что его трансформация в литературе нового времени напоминает процесс изменения мотивов, входящих в архетипические схемы священных и древнерусских текстов, когда, по словам Ю.В. Шатина, «мотив меняет свой коннотат на противоположный... Смена значимостей — один из сокрытых двигателей в развитии сюжетов новой русской литературы, которая активно переосмысливает ценности прошлого, приспособляя их к эстетически актуальным задачам своего времени» [2, с. 31]. В этой связи интерес представляют интерпретации летописных источников об историческом прошлом России, в которых переосмысление ценностей русской истории и приспособление их к культурно-политическим задачам своего времени приводило, говоря словами Юрия Васильевича, к «смене значимостей» конкретных сюжетов. Яркие примеры тому существуют в современной русской прозе.

Рассказ писательницы Ады Иванович «И принял он смерть от коня своего» опубликован в со-

циальных сетях 1 июля 2013 года [3]. Его нельзя назвать примером «высокого» книжного искусства, скорее, можно отнести к такому популярному сегодня явлению, как сетература, где виртуальное бытование текстов и их типов, жанров и форм находится под влиянием Интернета. Несмотря на это, подобные сетевые публикации заслуживают внимания и изучения. Рассказ Иванович представляет немалый интерес и как своеобразное и оригинальное воплощение художественного закона, названного М.М. Бахтиным «памятью жанра», характерного и для современной отечественной культуры и литературы, где семантическое наполнение традиционных коннотатов все чаще подвергается художественной деконструкции.

Наше внимание привлекло обращение к известному на Руси со времен «Повести временных лет» мотиву «смерти от коня», под пером современного автора получившему новое смысловое наполнение. Не вдаваясь в проблему теоретических вопросов, связанных с обоснованием содержания понятия «мотив», заметим, что в его понимании мы придерживаемся системного определения, характерного для новосибирской школы теоретиков литературы, где оно звучит как «(а) эстетически значимый повествовательный феномен, (б) интертекстуальный в своем функционировании, (в) инвариантный как элемент языка повествовательной традиции и вариантный в своих событийных реализациях, (г) соотносящийся в семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» [4, с. 169].

Кратко изложим содержание рассказа. Случайно Ада подслушала разговор трех автолюбителей — дяди Пети, Сервелата и Сабодажа. Последний рассказывал о трагедии в семье его старшего брата Андрея, случившейся после приобретения им автомобиля. Сначала Андрей жил в машине, а после покупки гаража переселился туда. Родственники решили, что такое внимание к транспортному средству свидетельствует о нездоровом психическом состоянии автомобилиста и предложили ему выбор: машина или семья. Андрей принял мучительное для него решение — продать машину.

Сюжетная схема летописного повествования об Олеге в рассказе размыта, и если бы не «подсказки» автора, то связать содержание этого сочинения с мотивом смерти героя «от коня» было бы сложно. В первых, его название «И принял он смерть от коня своего» отсылает к написанному В.С. Высоцким как перепев пушкинского «Олега» стихотворению «Песня о вешем Олеге», где указанная фраза употреблена в утвердительной форме в шестом куплете, а в остальных случаях в разных лексических вариантах звучит рефреном [5, с. 5–8]. Во-вторых, отождествление смерти героя рассказа с кончиной великого князя («Это был Вещий Олег, — хочется мне

крикнуть в помощь мучающемуся дяде Пете»), а автомобиля с конем («Не все же мужику безлошадным оставаться... — Пригнал он свою Ладу и во двор поставил») ведет к ряду новых сопоставлений, например: «похорон» коня Олега — с решением Андрея расстаться со своим транспортным средством; укуса змеи — с отравлением героя угарным газом; предопределенности смерти легендарного князя (ему, как известно, смерть предсказана волхвами) — с неясностью обстоятельств кончины Андрея («А кто ж его знает? Может случайно, а может и нарочно», — задумчиво отвечает Сабодаж»).

Сравнение героя рассказа с Олегом Вещим позволяет сопоставить структуры сюжетных схем повествований о смерти главных сюжетных персонажей и выяснить, насколько они близки по мотивному наполнению. В рассказе о судьбе Андрея сохранен без изменения единственный элемент сюжета летописного повествования о кончине Олега — смерть «от коня»; остальные трансформированы. Герой Андрей живет в другой исторической эпохе, и в этом смысле параллель с сочинением Высоцкого не ограничивается цитированием поэта в названии рассказа. Герои Высоцкого и Иванович — представители советского времени, принадлежащие к разным социальным слоям, однако олицетворяющие собой их типичных представителей — власти (у Высоцкого) и народа (у Иванович). Изменение социального статуса князя повлекло за собой наполнение сюжетной схемы смерти героя «от коня» иным содержанием, новыми мотивами и появлением других трактовок образа.

В сюжетном повествовании о трагической судьбе Андрея выделяются три элемента, которым автор уделяет наибольшее внимание:

- 1) сложности приобретения транспортного средства;
- 2) привязанность героя к его транспортному средству;
- 3) смерть героя «от коня».

Остановимся подробнее на характеристике каждого из них.

В летописных вариантах легенды об Олеге и ее поэтических переложениях тема приобретения коня отсутствует, поскольку конь в сказаниях о великом князе и воине — его постоянный и необходимый спутник. В рассказе Иванович тема приобретения коня (транспортного средства) и возникших в связи с этим сложностей возникает из-за пребывания героя в другой эпохе. Андрей живет в последнем десятилетии существования Советского союза, а его «железный» конь — Жигули «семёрка» (ВАЗ-2107), производство которого началось в 1982 году. Приметами советской автомобильной культуры, как известно, были очередь на автомобиль и выигранные машины в лотерею. Эти детали нашли свое отражение в рассказе.

Как и многим другим рядовым советским гражданам, Андрею помог случай: внезапно умерла теща, тесть продал дом в деревне и дал ему деньги на приобретение машины. До конца советской эпохи автомобиль оставался дефицитным товаром, но для советского гражданина он был одним из самых желаемых благ, наравне с собственной квартирой, дачей и мебелью [6, с. 37]. По заключению Е.Д. Твердюковой, образ жизни советского человека способствовал отношению к автомобилю как к роскоши, но не уменьшал желания им обладать [7, с. 175]. Таким образом, описанные в рассказе Иванович перипетии, связанные с приобретением транспортного средства, в определенном смысле объясняют появление в повествовании другой темы — привязанности героя к его автомобилю.

Тема нежных и теплых чувств, которые Андрей испытывает к транспортному средству, подчеркивается в неоднократном назывании «железного коня» женским именем Лада (несмотря на то, что это название марки автомобиля) и раскрывается в подробных описаниях разных способов проявления Андреем чувств к машине, как к живому существу.

Следует заметить, что в летописном повествовании об Олеге и поэтических переложениях легенды присутствует тема привязанности князя к его коню, но в разных версиях легенды она выполняет различную роль в развитии сюжета. «Любимым» называют коня Олега волхвы, когда предсказывают князю смерть от него. В традиционной версии легенды по «Повести временных лет» чувство тяги князя к его верному боевому товарищу объясняет, почему Олег не убивает животное, а лишь отдаляет его от себя [8, с. 16]. В версии архангелогородского летописца «любовь» к коню губит князя в прямом смысле слова: приказав убить животное, Олег хочет воочию убедиться в том, что конь мертв, но увидев череп, «хотя взять главу коня своего — сухую кость и лобзати ю, понеже съжалися по коне своем» [9, с. 57–58].

В рассказе Ады Иванович ценностные акценты смещены: машина для Андрея — не друг, как в легенде о князе, и даже не средство передвижения (из содержания рассказа неясно, пользуется ли ею герой). Будучи давно желанной, она стала для Андрея дорогим — во всех смыслах этого слова — приобретением. Бездушный механизм заменил герою семью, жену и детей, стал смыслом его жизни: Андрей значительную часть свободного времени проводит с машиной, живет в ней, а после приобретения гаража — в нем вместе с ней. Отношение автолюбителя к его машине личное, можно даже сказать интимное: «Уж он ее только что не облизывал. Пылинки сдувал. Мимо не пройдет, чтобы не погладить. Смех, да и только. Андрей за женой своей так не ухаживал, как за машиной. Разговаривал точно с живой, ласковые слова придумывал».

Диалог с машиной, приписывание ей антропоморфных свойств, называние автомобиля женскими именами и наделение транспортного средства гендерной (женской) принадлежностью — в рассказе автомобиль имеет номинации преимущественно женского рода: «машина» — 8 раз, Лада — 3 раза, «семерка» — 1 раз и лишь однажды — «Жигули», — все это свидетельствует об актуализации главным героем норм, связанных с семейными ролями: Андрей утверждает себя как глава семьи. Но, делая выбор между женой и машиной, он выбирает автомобиль, руководствуясь материальной составляющей, подтверждая тем самым свою зависимость от этого предмета. Мотив смерти героя «от коня» раскрывается автором в рамках темы власти вещи над человеком с ее трагическим разрешением.

Автомобиль принадлежит к вещной среде, при конструировании которой актуализируется один из важнейших смыслов культуры, закрепленных в вещи, — эмоционально-личностный. Вещь, особенно любимая, становится характеризующим внутренним мир человека признаком, воплощающим «психологическую реальность» его переживаний, фантазии, памяти [10, с. 347]. Советская идеология стремилась к уничтожению господства вещей над человеком и пропагандировала их гармонию, подобную той, которая должна существовать при социалистическом строе между людьми; но при таком подходе «антивещизм», напротив, преувеличивал значимость вещи [11, с. 81].

Темы зависимости героя от власти вещи, одухотворения предметов, моделирования при помощи вещей собственного мира характерны для произведений русской классической литературы, где они были к тому же осложнены мотивом губительного главенства вещного мира над человеком, пагубных для судьбы героя последствий от обладания тем или иным предметом. Например, в записных книжках А.П. Чехова сохранились нереализованные писателем сюжеты о связи власти вещей со смертью героя [12, с. 56, 95, 161].

«Вещизм» и зависимость человека от вещи — ведущие проблемы модернистской и постмодернистской прозы. Особое место в культуре постмодерна занимает проблема фетишизации предметов. Мысль о расставании с любимой вещью или о том, что ею будет обладать кто-то другой, приводит к трагическим последствиям [13, с. 108–109, 110].

Яркая параллель к рассказу Ады Иванович, на которую указала М.А. Васильева, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, — кинофильм «Макаров» (режиссер Владимир Хотиненко), снятый на Свердловской киностудии в 1993 г. по сценарию Валерия Залотухи. Поэт Александр Сергеевич Макаров случайно приобретает пистолет системы своего однофамильца. Облада-

ние оружием переворачивает жизнь героя и меняет его отношения с окружающими — он становится придатком к пистолету: сначала поэт прячет его в туалете, потом носит с собой и постоянно трогает; чувствуя власть оружия, герой несколько раз пытается совершить убийство; постепенно связь с пистолетом становится личной, и поэт общается с ним, как с близким человеком, игнорируя семью и товарищей. Эта история, как и рассказ А. Иванович, заканчивается трагически. Перед самоубийством Александр Сергеевич ведет себя неадекватно: найдя фотографию, где он запечатлен молодым и счастливым, поэт стрижет перед зеркалом волосы, чтобы соответствовать образу на фото и понравиться другу-пистолету.

Нечто странное в поведении Андрея заподозрили его родители и другие родственники. Не соответствующее окружающей обстановке состояние героя можно рассматривать в традиции антиповедения персонажа, находящегося на грани двух миров: земного и потустороннего [14, с. 462]. Особенно это заметно, если сравнить действия Андрея с эмоциональным состоянием его матери, уговаривающей сына продать машину. Скандал, крик, слезы — естественная реакция женщины на непонимание сыном очевидного. Поведение героя и его поступки приобретают противоположные, не свойственные для конкретных ситуаций, значения: домом для него становится гараж, жену заменяет машина, вместо того, чтобы печалиться перед продажей дорогого транспортного средства — герой веселится.

Автомобиль, как известно, прочно связан с мифологией риска. В дискурсивном пространстве смерти тема перехода в иной мир при помощи транспортного средства чрезвычайно продуктивна. Стали классическими примеры из древнерусской литературы о переходе от жизни к смерти на транспорте: сани, ладья, конь — это традиционные проводники между мирами [15]. «Съдя на санех», Владимир Мономах писал поучение [16, с. 456], в видении Елеазара Анзерского бес, желавший убить святого, подогнал к его келье сани и предложил прокатиться [17, с. 93–94, 131–132]. В древнегреческой мифологии при помощи лодки осуществляется транспортировка душ умерших в царство Аида. Конь — один из самых известных в мировой культуре перевозчиков-проводников в загробный мир. Мотив использования транспортного средства для перехода в иной мир встраивает кончину Андрея в обширную мифологическую традицию перехода героя в потустороннюю реальность.

Мотив смерти героя «от коня» представлен в рассказе Ады Иванович в трансформированном виде и осложнен другими архетипическими мотивами, актуализировавшимися в русской и зарубежной культуре XIX–XXI вв. в дискурсивном поле взаи-

модействия человека и вещи. Трагический случай из жизни обычного советского гражданина (примечательно, что автор рассказа не дает однозначную оценку совершенному им поступку — случайность или самоубийство) превращается в трагедию «маленького» человека, типичного представителя социалистической эпохи со скромным материальным достатком, потребности которого не соответствовали его возможностям.

Рассказ Ады Иванович вернул в современную виртуальную прозу характерный для легенды о кончине Олега Вещего мотив смерти «от коня». Однако легендарный сюжет не был просто пересказан. Главный герой помещен в обстановку, соответствующую социальным, политическим условиям социалистической эпохи, в связи с чем изменен характер взаимоотношений героя с его окружением. Древний мотив наполнился содержанием, отличным от заложеного в него первоначального смысла.

К другой особенности реализации легендарного сюжета следует отнести отражение в нем процесса ассимиляции мотива смерти героя «от коня» в народном сознании; писательница показала, насколько размыты границы сюжета о кончине князя Олега в его общественном осмыслении, где перемешаны персонажи русской и мировой истории:

«— Слушай, так уже один раз было, с князем каким-то или графом, — оживляется дядя Петя. — Ну помните, его еще змея ткнула, когда он на похороны коня приехал. Сапог даже прокусила, собака! А он потом и умер от этого.

Сабодаж и Сервелат смотрят на него недоуменно. Они ничего такого не помнят.

— То ли Чингисхан, то ли Иван Грозный то был, — размахивая руками, торопится объяснить дядя Петя и пытается изобразить обоих сразу.

— Это был Вещий Олег, — хочется мне крикнуть в помощь мучающемуся дяде Пете...».

Такому народному сознанию близки примеры смешений в русском фольклоре героев «Слова о полку Игореве» с другими персонажами древнерусской истории, записанные в 1970–1980-е гг. в ходе фольклорных экспедиций на Путивльщину, где бытовали представления о гибели там Игоря Святославича и Ярославны. В 1988 г. жительница села Бояро-Лежачи А.Ф. Стахорная говорила, что слышала от матери рассказ, «в котором к герою “Слова” был прикреплен летописный сюжет о смерти Олега Вещего: “Когда князь Игорь возвращался домой с битвы, на дороге он увидел череп конской головы...” и т. д.» [18, с. 65]. Однако чем больше трансформируется содержание архетипического мотива во времени, тем больше возникает возможностей для выявления и трактовки его смыслов и значений, и тем интереснее сюжетологическое исследование, вскрывающее их.

Список источников

1. *Лященко А.И.* Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. Ленинград, 1925. Т. XXIX. С. 254–288.
2. *Шатин Ю.В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие : сб. научн. тр. Новосибирск : Наука, 1996. С. 29–41.
3. *Иванович А.* И принял он смерть от коня своего [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/07/01/420> (дата обращения: 01.09.2013).
4. *Силантьев И.В.* О некоторых теоретических основаниях словарной работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы : экспериментальное изд. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 1. С. 160–169.
5. *Севастьянова С.К.* «Песня о вещем Олеге» В.С. Высоцкого: к вопросу о литературных обработках легенды о смерти Олега Вещего в новой русской литературе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 5–10.
6. *Мирская М.Л.* Автомобиль в советской культуре : препринт WP20/2013/03. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
7. *Твердюкова Е.Д.* Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930–1960-е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 166–177.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская и Троицкая летописи. Санкт-Петербург, 1846. 271 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 37 : Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Ленинград : Наука, 1982. 228 с.
10. *Иконникова Н.К.* Человек в мире вещей: проблема присвоения вещной среды // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 344–354.
11. *Казакова В.И., Маркова Т.В.* Человек и вещь в горизонте стратификации: ценность, образ, метафора // Вестник Вятского гос. гуман. ун-та. Серия : Философия и социология; культурология. 2009. № 1 (4). С. 80–84.
12. *Чехов А.П.* Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Москва : Наука, 1987. Т. 17. 528 с.
13. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. Москва : РУДОМИНО, 1999. 224 с.
14. *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1 : Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.
15. *Анучин Д.* Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Москва, 1890, 146 с.
16. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Санкт-Петербург : Наука, 1997. Т. 1 : XI–XII в. 543 с.
17. *Севастьянова С.К.* Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 448 с.
18. *Росовецкий С.К.* Современный путивльский и новгород-северский фольклор о героях «Слова о полку Игореве»: Новые тексты // Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 64–67.

THE MOTIVE OF “DEATH FROM HORSE” IN THE VIRTUAL RUSSIAN PROSE (BY THE EXAMPLE OF THE STORY BY ADA IVANOVICH “AND HE TOOK HIS DEATH FROM HIS HORSE”)

SVETLANA K. SEVASTYANOVA

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: sevask@mail.ru

Abstract. *The article analyzes the content of the story by Ada Ivanovich, a modern writer, “And He Took his Death from his Horse”, published on the Internet, in the context of the virtual Russian prose, called seteratura. The author concludes that the motif of the hero’s death “from horse” has been transformed in the new Russian literature. A link*

is drawn between the creative work of A. Ivanovich and that of V.S. Vysotsky, a phrase from his “Song” of Wise Oleg is used as her story’s title. The writer put her character in a different historical era, changed his social status, and filled the storyline of the hero’s life and death with new content and motives that led to an unexpected interpretation of the main character’s image. The narrative about the main character’s tragic fate has three elements particularly underlined by the story’s author in connection with the hero’s living in the Soviet era: the complexity of acquiring a vehicle; the hero’s affection for his car; the death “from horse” is a suicide inside the car.

Key words: motive, transformation, virtual prose, seteratura, Oleg the Wise, chronicle story, the prince’s death “from horse”, values of the Soviet era.

Citation: Sevastyanova S.K. The Motive of “Death from Horse” in the Virtual Russian Prose (by the Example of the Story by Ada Ivanovich “And He Took his Death from his Horse”), *Observatory of Culture*, 2016, vol. 13, no. 4, pp. 499–504.

References

1. Lyashchenko A.I. Letopisnye skazaniya o smerti Olega Veshchego [Chronicle Stories about Death of Oleg Veshy], *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk SSSR* [News of the Department of Russian Language and Literature of Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, 1995, vol. XXIX, pp. 254–288.
2. Shatin Yu.V. Arkhetipicheskie motivy i ikh transformatsiya v novoi russkoi literature [Archetypical Motives and Their Transformation in New Russian Literature], "Vechnye" syuzhety russkoi literatury. "Bludnyi syn" i drugie ["Eternal" Plots of Russian Literature. "The Prodigal Son" and Others]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, pp. 29–41.
3. Ivanovich A. *I prinyal on smert' ot konya svoego* [And He Took his Death from his Horse]. Available at: <http://www.proza.ru/2013/07/01/420> (accessed 01.09.2013).
4. Silant'ev I.V. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh slovarnoi raboty v sfere syuzhetov i motivov [About Some Theoretical Bases of Dictionary Work in the Sphere of Plots and Motives], *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoi literatury* [Dictionary-Pointer of Plots and Motives of Russian Literature]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2006, issue 1, pp. 160–169.
5. Sevast'yanova S.K. "Pesnya o veshchem Olege" V.S. Vysotskogo: k voprosu o literaturnykh obrabotkakh legendy o smerti Olega Veshchego v novoi russkoi literature ["Sing about Veshy Oleg" Vysotskogo V.S.: to the Question about Literature Processings of the Legend about Death of Veshy Oleg in New Russian Literature], *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2014, no. 4, pp. 5–10.
6. Mirskaya M.L. Avtomobil' v sovetskoj kul'ture [Automobile in the Soviet Culture]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2013, 48 p.
7. Tverdyukova E.D. Lichnyi avtomobil' kak predmet potrebleniya v SSSR. 1930-e – 1960-e gg. [Private Automobile as a Subject of Consumer in the USSR. 1930–1960], *Noveishaya istoriya Rossii* [The Latest History of Russia], 2012, no. 1, pp. 166–177.
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, t. 1: Lavrent'evskaya i Troitskaya letopisi* [Full Collection of Russian Chronicles, vol. 1: Lavrenty and Troitsky Chronicles]. St. Petersburg, 1846, 271 p.
9. *Polnoe sobranie russkikh letopisei, t. 37: Ustyuzhskie i Volgodskie letopisi XVI–XVIII vv.* [Full Collection of Russian Chronicles, vol. 37: Ustiug and Vologda Chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 228 p.
10. Ikonnikova N.K. Chelovek v mire veshchei: problema prisvoeniya veshchnoi sredy [Person in the World of Things: Problem of Conferment of Real Environment], *Voprosy sotsial'noi teorii* [Issues of Social Theory], 2010, vol. IV, pp. 344–354.
11. Kazakova V.I., Markova T.V. Chelovek i veshch' v gorizonte stratifikatsii: tsnnost', obraz, metafora [Person and Thing in the Horizon of Stratification: Value, Image, Metaphor], *Vestnik Vyatskogo gos. guman. univ-ta, Seriya: Filosofiya i sotsiologiya; kul'turologiya* [Bulletin of Vyatsky State Humanitarian University, Series: Philosophy and Sociology; Culturology], 2009, no. 1 (4), pp. 80–84.
12. Chekhov A.P. *Polnoe sobr. soch. i pisem v 30 t. Sochineniya v 18 t.* [Full Coll. of Essays and Letters in 30 vol., Essays in 18 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1987. vol. 17, 528 p.
13. Baudrillard J. *Sistema veshchei* [The System of Objects]. Moscow, "RUDOMINO" Publ., 1999. 224 p.
14. Uspenskii B.A. *Izbrannye Trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works, vol. 1, Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996, 608 p.
15. Anuchin D. *Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnosti pokhonnogo obryada* [Sleigh, Rook and Horses as Affiliations of Funeral Squad]. Moscow, 1890, 146 p.
16. Likhacheva D.S., Dmitrieva L.A., Alekseeva A.A., Pomyrko N.V. (eds.) *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [The Library of Literature in Ancient Russia], RAS, IRL. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1 (the 11th–12th cent.), 543 p.
17. Sevast'yanova S.K. *Prepodobnyi Eleazar, osnovatel' Svyato-Troitskogo Anzerskogo skita* [Reverend Eleazar, the Founder of St. Troitsky Anzersk Monastery]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001, 448 p.
18. Rosovetskii S.K. Sovremennyi putivl'skii i novgorod-severskii fol'klor o geroyakh "Slova o polku Igoreve": Novye teksty [Modern Putivl and North Novgorod Folklore about Heroes of "The Tale of Igor's Campaign": New Texts], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1993, vol. 48, pp. 64–67.